

В.В.Алексеев, И.В.Побережников
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ

Модернизация

Модернизация характеризуется как процесс, посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные. Данный переход приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими. Модернизационный переход редко протекает спокойно и равномерно; он оказывает воздействие на все социальные институты, всех членов общества. Термин «модернизация», таким образом, должен описывать множество одновременных изменений на различных уровнях. Модернизация сопровождается расширяющейся дифференциацией экономической, организационной, политической и культурной сфер. Тесно связаны с модернизацией процессы индустриализации, урбанизации, бюрократизации, которые, тем не менее, нельзя отождествлять.

Так, *индустриализация* (процесс замены ручного труда технологиями, основанными на неживых источниках энергии) действительно способствовала модернизации (и в известном смысле выступала как фактор модернизации) в Западной Европе XVIII–XIX вв. Однако индустриализация не всегда являлась и является решающим фактором модернизации. Так, во многих государствах Африки и Азии модернизация начиналась как процесс «строительства нации» (*nation building*) и развития современных политических систем, трансформации социальных структур и распространении новых норм и ценностей посредством образования. Индустриализация могла следовать за этими процессами.

Термин *урбанизация* описывает процесс передвижения сельского населения в города и сопутствующую этому концентрацию экономической активности, административных и политических институтов, коммуникационных сетей на урбанизированных территориях. Модернизация, индустриализация, урбанизация зачастую протекают во взаимосвязи. Тем не менее, следует различать городские и фабрично-заводские системы. Известно, что обширные городские структуры существовали в античности. В свою очередь, многие

фабрики размещались в сельской местности. Даже сегодня урбанизация порой не сопровождается соответствующей ее размаху индустриализацией (например, в Латинской Америке).

Под *бюрократизацией* понимается становление иерархической социальной структуры для управления организациями на принципах рациональности, квалификации, эффективности и обезличенности. Хотя модернизация сопровождается бюрократизацией, мощные бюрократические структуры могли иметь место и без модернизации (например, в древних государствах Китая, Индии, доколумбовой Америки)¹.

«Традиция» в отечественной этнологии и культурологии

Традиция—одно из ключевых понятий в науках об обществе и человеке. Традиции присутствуют во всех обществах. Более того, общество не может функционировать, не опираясь на традиции. В отечественной науке концепт «традиция» разрабатывался преимущественно в этнологии и культурологии. При этом традиция понималась обычно как своеобразный механизм функционирования культуры и, соответственно, общества. Данное понятие многозначно; существуют более узкие и более широкие определения традиции. По мнению Э.С.Маркаряна, традиция это «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»².

Данное определение чрезвычайно широкое и оставляет за своими пределами, помимо инноваций, преимущественно формы индивидуальной культуры. С.А.Арутюнов считает целесообразным ограничить понятие традиции той частью культуры, которая более-менее постоянно воспроизводится в общественном сознании и поведении, и не включать сюда экстериоризированную часть культуры (выведенную вне самого человека)³. Согласно определению К.В.Чистова, традиция — «это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся»⁴.

В трудах отечественных философов, культурологов, этнографов, фольклористов, историков убедительно показано, что сама традиция никогда не была шаблоном, всегда имела место вариация тра-

диции (ее «вибрирование»). «Вариативность, — отмечает К.В.Чистов, — есть способ и одновременно условие существования традиции». «Стереотипы могут становиться стереотипами только благодаря их определенному свойству (или качеству), — пишет исследователь, — пластичности, т. е. способности адаптироваться (функционировать) в типовых, но все—таки изменчивых ситуациях» (имеет место «непрерывное синонимическое варьирование, обратимые замены, которые таят в себе возможность расширения зоны варьирования, а при определенных условиях и существенных изменений»)⁵.

Традиции обычно противостоит инновация (т.е. нововведение), однако эта оппозиция («традиция»—«инновация») относительна, поскольку любая традиция когда-то была инновацией, а любая инновация со временем может трансформироваться в традицию. В исторической реальности постоянно обнаруживает себя тенденция к обновлению за счет внедрения инноваций, превращения их со временем в традиции, выбраковывания устаревших, избыточных традиций⁶. «...Динамика культурной традиции, — утверждает Э. С. Маркарян, — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно—кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процессов социальной самоорганизации»⁷. Соответственно, относительно и противопоставление традиционных и инновационистских (модернистских) обществ. Когда исследователи говорят о традиционных обществах, они имеют в виду только то, что в них (в сравнении с другими обществами) более значимыми в поведении и культуре являются ориентации на традиции, опыт, заданные формы поведения (актуально все наследие и преимущественно наследие актуально; отношение к новому предосудительное и негативное). Рассматривая инновационистское общество, подразумевают, что для него приоритетна актуальность моделей деятельности, возникающих на данном этапе⁸.

«Традиция» в историографическом контексте школы модернизации

Для ранней («классической») школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относи-

тельно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны.

Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, генератор тенденций и импульсов конвергенции. Как отмечал М.Леви: «Со временем они и мы будем все больше походить друг на друга... потому что модели модернизации таковы, что чем более модернизируются общества, тем больше они напоминают друг друга»⁹.

Далее, модернизация сводилась преимущественно к процессу европеизации (или американизации). В литературе по модернизации господствовала установка благодушия по отношению к Западной Европе и США. Эти нации рассматривались как не имеющие себе равных по параметрам экономического благосостояния и демократической стабильности. Таким образом, последователи в процессе модернизации должны были ориентироваться именно на Западную Европу и США, как на идеальные модели. Поскольку данные образцы отличались высокой степенью индустриализации и демократизации, индустриализация и демократизация в концепциях школы модернизации приобрели значение своеобразных символов, знаков самой модернизации.

В связи с тем, что теории модернизации усвоили сформулированное М.Вебером жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, в них укоренилось отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции. Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества. В соответствии с описанными выше представлениями модернизация изображалась как полная замена традиционных структур и ценностей набором современных, модернизированных структур и ценностей. Как отмечает С.Хантингтон, предста-

вители школы модернизации рассматривали «современность» и «традицию» как асимметричные понятия¹⁰.

Таким образом, «традиция» оценивалась в целом негативно, как сила, враждебная модернизации и ей мешающая. При этом традиции вообще не уделялось серьезного внимания ни в теоретических разработках, ни в эмпирических исследованиях. Если по отношению к «современности» существовало более-менее ясное представление, то «традиция», «традиционное» определялись скорее негативно, как то, что не включается в «современное». Подобные концептуальные основы были присущи большинству работ ранних представителей школы модернизации, вне зависимости от подходов (политический, экономический, социально-психологический, институциональный и т.д.), которые они использовали, и регионов, которые они изучали. В целом они считали страны Третьего мира традиционными или традиционалистскими, а страны Запада современными, модернизированными. Путь модернизации стран Третьего мира, по мнению этих исследователей, лежал через избавление от «традиционных» характеристик и приобретение, копирование «современных» черт.

Так, Д.Макклилланд доказывал, что внесение западных ценностей, ориентирующих на достижение целей («achievement motivation»); по мнению автора, идеология «достижения» не сводится к получению прибыли, но включает сильное желание выполнять работу как можно лучше, в том числе за счет выбора и внедрения более совершенных способов ее выполнения), способствовало становлению современного предпринимательства и модернизации. А.Инкелесс утверждал, что «модернизированному» человеку присущи такие «западные» черты, как ориентация на мобильность, использование долговременного планирования, гражданская активность. По мнению С.Липсета, страны Третьего мира смогут построить демократию западного типа лишь после того, как им удастся трансплантировать западный стиль экономического развития (индустриализация, урбанизация, современная система образования)¹¹.

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации начали подвергаться жесткой критике с разных теоретических и идеологических позиций. Большую роль в пересмотре некоторых теоретических постулатов школы модернизации, в частности, связанных с определением места традиции в процессах раз-

вития, сыграли антропологи, страноведы, изучавшие те самые общества, которые сторонники парадигмы модернизации квалифицировали как традиционные. Однако имела место и «внутренняя» критика со стороны некоторых представителей школы, которые замечали слабые места в конструкциях теории модернизации. Постепенно приходило осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционным и современным в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал и тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Как писал один из критиков Дж.Р.Гасфилд, «в то же самое время, когда концепция развития вошла в общее употребление, большое количество конкретных исследований новых наций заставило нас осознать широкое разнообразие результатов и возможностей изменения и преемственности. Это привело к более критической оценке многих возможных взаимосвязей между новыми и старыми аспектами социальной, экономической, и политической жизни. Тезис, согласно которому традиция и инновация всегда находятся в конфликте, стал казаться чрезмерно абстрактным и не соответствующим реальности».

«В изучении экономического роста, — продолжал Гасфилд, — мы осознали, что концепция М.Вебера о противостоянии традиционного и рационального экономического поведения вносит значительные искажения в реалии многих конкретных ситуаций. В изучении политических альтернатив и возможностей мы стали восприимчивыми к материализовавшемуся эффекту нелинейных теорий развития»¹².

Дж.Р.Гасфилд одним из первых подверг сомнению тезис о том, что традиционная культура являлась якобы согласованной системой норм и ценностей. Было отмечено, что традиции в странах, движущихся по пути модернизации, отнюдь не представляют собой набора однородных и гармоничных ценностей, напротив, они являются гетерогенными.

«Мы не можем признавать письменные и интеллектуализированные версии культуры, — утверждал исследователь, — за единственную форму общего комплекса верований и образцов поведения. [Но] даже в рамках письменных форм традиции отмечаются несогласованности и разночтения. Так, индуистское философское и религиозное учение не противоречит различным жизненным ориентациям. Доктрина четырех ашрам, например, представляет добродетельную жизнь как ту, в течение которой люди руководствуются различными ценностями на разных стадиях жизненного цикла. Важность этого разнообразия состоит в том, что оно обеспечивает легитимизацию принципов для широкого набора альтернативных форм поведения»¹³.

Р.Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. Элита может высоко оценивать поэзию, живопись, танцы, охоту, отдых, философию, в то время как для низов наиболее значимы работа в поле, трудолюбие, бережливость и т.д. По мнению автора, эти две традиции имеют существенные различия: если большая традиция культивируется в школах и храмах, то малая вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию. Вместе с тем, Р.Редфилд отметил взаимодействие и взаимозависимость, существующие между большой и малой традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого».

Более того, было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью. Общества прошлого отнюдь не были мирными и стабильными, они постоянно сотрясались крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами¹⁴.

В качестве ложного был признан прежний тезис о традиционном сообществе как гомогенной социальной структуре. Так, Дж.Р.Гасфилд обратил внимание на то, что индийское общество институционализировало различные стили жизни в разных группах, в рамках и за пределами кастовой системы. Такое разделение

труда обеспечивало возможность для определенных коммунальных и статусных групп являться носителями традиций, которые отличались от доминирующих потоков, и при этом создавало условия для осуществления ценных общественных функций данными группами. Отмечалось также то, что, хотя М.Вебер ссылался на «протестантскую этику», отдельные секты, ее разделявшие, вовсе не были типичными представителями протестантизма. Неоднократно в литературе описывалась роль иноземцев и изгоев—маргиналов в обеспечении экономического роста, внедрении новшеств и формировании предпринимательского поведения. Евреи в Европе, мусульмане в Западной Африке, китайцы в Индонезии, индусы на Востоке Африки были теми этническими группами, маргинальность которых позволяла им вовлекаться в имперсональную рыночную практику и при этом оставаться в стороне от требований статусного потребления местного населения. Здесь стоит вспомнить о роли старообрядчества в становлении российского предпринимательства.

Критиками теории модернизации был поставлен вопрос, а действительно ли традиционные и модернистские институты и ценности являются взаимоисключающими. Углублению понимания взаимодействия традиции и *modernity* способствовало признание того факта, что традиционная культурная система содержит различные аспекты или измерения, которые разным образом реагируют на новации.

Ранние теории экономического роста рассматривали «большую» семью и кастовую систему как препятствия для развития. Впоследствии ученые признали, что упомянутые явления включают целые комплексы отношений и их реакции на модернизацию могут существенно различаться в зависимости от конкретных контекстов. Стало ясно, что интерпретация кастовой системы лишь как барьера для модернизации слишком одностороння. Если одним измерением кастовой системы было распределение труда и регулирование мобильности, то другим измерением были статусные требования, игравшие роль ограничителей в стремлении накапливать капитал. Отнюдь не редким явлением в индийской жизни были попытки некоторых каст стать более мобильными, улучшить свое материальное и ритуальное положение. Вряд ли экономическому росту могли препятствовать расширение возможностей региональных каст, развитие кастовых ассоциаций, растущая значимость каст в политиче-

ской жизни. Все это способствовало созданию благоприятных условий для кредитования, организации обучения, профессионального спонсорства на основании сегментарной, традиционной лояльности, которая, в свою очередь, вносила элементы доверия и ответственности в экономические отношения. При их отсутствии в экономической сфере «правят бал» подозрение и недоверие между людьми, которые не связаны никакими другими отношениями, кроме чисто экономических.

Анализ влияния индустриализации на семью в традиционных и прединдустриальных обществах также обнаружил совместимость «большой семьи» с индустриальным строем. В экономической истории Индии было немало примеров мощных промышленных организаций, выросших из и поддерживаемых традиционными семейными объединениями. Видную роль играла «большая семья» и в малом бизнесе, где она являлась основным источником сбережений и накопления капитала.

Конкретный эмпирический анализ показал, что в традиционных обществах обнаруживается множество элементов, которые вполне можно отнести (или интерпретировать) к модернистским. Так, в традиционном китайском обществе существовала безличностная система экзаменов для чиновников, ориентированная не на традиционную статусную идентификацию, а на универсалистский принцип «достижения». С другой стороны, критики обратили внимание на то обстоятельство, что традиционные ценности и структуры сохраняются и в модернизированных обществах (например, этнические или половозрастные идентификации). Подобные наблюдения подталкивали к заключению, что в исторической реальности традиционалистские и модернистские ценности могли сосуществовать.

Вызвало возражения и однозначное представление о традициях как факторе, препятствующем модернизации. Ряд исследователей обратил внимание на то, что традиции могут быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе модернизации. Абстракция «традиционное общество» как тип, выделенный из конкретной исторической и культурной среды, игнорирует разнообразное содержание определенных традиций, которые влияют на адаптацию, отторжение или слияние с модернистскими формами. В то же время, например, в Японии симбиоз «феодализма» и индустриального развития содействовал быстрому экономическому рос-

ту. Преданность императору и семье, коллективизм и низкая вертикальная мобильность стали факторами, которые поддерживали социальные и экономические изменения в Японии.

Открытием стало то, что традиционные структуры могут обеспечивать умениями, навыками; традиционные ценности могут быть приспособлены в качестве источников легитимизации при достижении определенных новых целей в процессах модернизации. Так, в Японии традиционная ценность «преданности императору» легко трансформировалась в «преданность фирме», что способствовало стабильности трудовых коллективов и росту производительности труда. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца.

Все это нашло подтверждение в наблюдениях антропологов применительно к отдельным культурным сдвигам. Было замечено, что одна традиционная культура может обладать ценностями, более совместимыми с модернизацией, нежели другая. С. Оттенберг, изучавший племена Западной Африки, пришел к заключению, что ряд племен Нигерии оказался более приспособленным к принятию и адаптации британской культуры, нежели другие. Исследователя заинтересовала система добровольных ассоциаций в нигерийском племени ибо (игбо), которая в соединении с присущими ей ценностями индивидуализма и достижения неплохо приспособила это племя к требованиям и возможностям, которые принес британский колониализм. Противоположный пример — жесткого противостояния каким-либо культурным изменениям — ярко продемонстрировала восточноафриканская народность масаи, которая яростно отстаивала традиционные пути развития¹⁵.

Не получил развития тезис о легкости выкорчевывания традиций в процессе модернизации, об ослаблении традиционных институтов и ценностей в результате изменений. Напротив, наука накапливала все большее количество фактов, которые свидетельствовали о возможности мирного сосуществования и взаимного приспособления новых и старых культур и структур, а также о возможности своеобразной реанимации и даже усиления традиций в ходе модернизации. В 1965 г. Д. Эптер писал о том, что культура никогда не уступает целиком место для новых форм, несмотря на порой безжалостную и жесткую интервенцию инноваций. Разнообразные реак-

ции традиции на модернизацию, по его мнению, объясняли множество различий в политических системах современных наций. Очень часто модернизирующиеся сообщества маскировали под марку местного национализма или социализма глубокие взаимосвязи с традиционной практикой. В Мали, например, за фасадом устройства в духе довольно ортодоксального марксизма (со смелыми призывами к обновленной социальной жизни под руководством единственной партии) можно было рассмотреть трудноуловимые, но все же значимые связи с централизованной политической системой прежнего королевства Бамбара. Президент Мали, потомок старинного королевского клана Кейта, вел себя как король. Правящая партия Мали приняла марксизм как очевидную форму для модернизации, в то же время сохраняя связи с прошлым¹⁶.

На то, что не всегда в процессе модернизации старое заменяется новым, обратил внимание в своей полемической статье и Дж.Р.Гасфилд. «Усвоение нового изделия, новой религии, новой схемы принятия решений, — писал исследователь, — не ведет с необходимостью к исчезновению старой формы. Новые формы могут только увеличивать диапазон альтернатив. Как колдовство, так и медицина могут сосуществовать, используемые альтернативно одними и теми же самыми людьми. Синкретизм противоречивых элементов давно был отмечен в принятии религиозных обрядов и верований. В испано-говорящих странах язычество и католицизм зачастую достигали взаимной терпимости в новой обрядовой форме, созданной на базе того и другого. «Большая традиция» городского мира в Индии отнюдь не вытеснила «малую традицию» деревни, напротив, они вступили в контакт. Взаимодействие привело к слиянию и взаимному проникновению. Мы стали все более осознавать, что результатом взаимодействия процессов модернизации и традиционных форм нередко является такая смесь, в которой каждая составляющая скорее получает определенную поддержку от другой, нежели сталкивается со своей противоположностью».

Дж.Р.Гасфилд отметил также то, что в процессе модернизации последствием совершенствования транспортной системы, коммуникаций, роста грамотности и горизонтальной мобильности становится интенсификация распространения идей, которая облегчает трансляцию как новых, так и традиционных представлений. Влияние «большой традиции» начинает испытывать все большее коли-

чество локальных и социальных групп. Облегчается паломничество к отдаленным святыням, что, в свою очередь, открывает новые возможности для обретения более прочных корней концепции единой, национальной религии. Модернизация создает условия (возможности создания ассоциаций, издания журналов) для организационного оформления кастовых объединений как на региональном, так и на национальном уровне. Рост общинной мобильности, распространение образования выводят на историческую сцену полугородские слои, более приверженные традиционным, нежели западным ценностям. Сельские общины — средоточие «малой традиции» — становятся в условиях модернизации все более открытыми именно традиционным, традиционалистским веяниям, нежели ветрам перемен собственно модернистских.

Более того, нередко для осуществления модернизации задействуется идеология традиционализма. Дж.Р.Гасфилд пишет по этому поводу: «Желание стать современным и стремление сохранить при этом традиции становятся значимыми движениями в новых нациях и развивающихся экономических системах. Это отправной пункт нашей концепции, согласно которому указанные стремления, действующие как идеологии, не всегда находятся в состоянии конфликта. Дело в том, что модернизация нередко оказывается в зависимости и получает поддержку от идеологического подъема традиционализма. В ходе модернизации сама традиция может изменяться, смешиваться и модифицироваться, но спаянное и национализирующееся общество получает огромную пользу от использования традиции, которая позволяет достичь согласия в отношении к политической власти и экономическому развитию. Многие исследователи отметили феномен возрождения местных традиций как фазу развития националистических течений и движений за независимость, особенно там, где интеллектуалы усмотрели источник новых ценностей в какой-то другой стране. Подобные реакции получили распространение среди российской интеллигенции в XIX в. против Франции, в Индонезии против голландцев, среди японцев против европейцев в целом; против англичан в Индии в период и после борьбы за независимость. Индийские интеллектуалы, вестернизированные и ориентировавшиеся на европейскую культуру, тем не менее, предприняли возрождение традиционного индуизма как инструмента в борьбе против колониальной зависимости. Несмотря

на их общую приверженность модернизации (которая проявилась даже в неприятии английской политики поддержки местных обычаев в период после восстания сипаев), ренессансу индийской национальной идентичности в какой-то степени благоприятствовало открытое приятие традиционных народных обычаев и стилей жизни...»¹⁷.

В процессе эволюции модернизационной перспективы перематривались концептуальные схемы, объясняющие сами механизмы взаимодействия традиции и модернизации. В ранних прямолинейных конструкциях традиционные институты и формы интерпретировались как барьеры, препятствующие переходу от традиционного к современному обществу. Считалось, что для осуществления модернизации необходимо преодолеть, во-первых, экономические преграды, чтобы внедрить такие модернистские качества собственно капиталистической системы как рациональность, аскетизм, непрерывный процесс производства и обмена и рынок формально свободной рабочей силы. Во-вторых, в социально-политической области требовалось заменить патримониализм и экономические структуры, основанные на родственных отношениях, на рациональную административную организацию и правовые институты, отделить бизнес от местожительства, разграничить общественную и частную собственность. В 1980-е гг. были разработаны другие схемы для изучения природы интеракций между модернизацией и традицией, в частности теория баррикад В.Дэйвиса. Последний попытался посмотреть на традиционные «пояса защиты» с точки зрения традиционализма, а не модернизма. Его подход можно интерпретировать следующим образом: каким образом традиционные сообщества организуют защиту от разрушительного воздействия модернистских ценностей. Исследователь при этом подчеркивал, что традиционными обществами организуется защита не против прогресса вообще, а именно против социальной турбулентности и морального упадка, которые вызываются безудержным развитием коммерции.

Согласно В.Дэйвису, традиционное общество может быть представлено в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг воплощает экономику и экономические ценности. Средний круг представляет собой «иммунитетную баррикаду», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» экономики от раз-

вития (эта «баррикада» включает разнообразные табу, традиционную религию, этику, право, философию, народные верования и т.д.). Наконец, внешний круг включает общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями. Инструменты, которые сконцентрированы в среднем круге, держат экономику под контролем, ограничивая возможности рынка традиционными ритуалами и церемониями, позволяя ему функционировать только в довольно узких границах.

По схеме Дэйвиса экономическое развитие может начинаться не только вследствие того, что «враг» (модернизация, развитие) взбирается на валы и вторгается в «цитадель» традиционного общества, но и в результате того, что стареют и ветшают сами эти барьеры и в конце концов начинают разрушаться. Возможна и такая ситуация, когда сами защитники баррикад утрачивают былое мужество и добровольно капитулируют.

Используя разработанную схему, В.Дэйвис попытался дать свою интерпретацию развития капитализма в Западной Европе. По мнению ученого, становление рациональной экономики произошло не только потому, что «страстные протестанты» заполнили рынок, но и потому, что не особенно ревностные прочие христиане оказывали слишком слабое сопротивление росту эксплуатации. Так, например, в Англии церковь практически не реагировала на растущую нищету, огораживания, работные дома, — следствия деятельности протестантских модернизаторов. Модель баррикад Дэйвиса предлагает новый подход к изучению взаимоотношений между религией и развитием. Вместо того, чтобы фокусировать внимание на том, как акторы модернизации преодолевают традиционные барьеры, исследователь предлагает сконцентрировать усилия на анализе защитников традиционной религии и традиционных ценностей¹⁸.

Итак, в целом в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе вестернизации (европеизации) и гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается. Известный специалист по проблемам развития проф. С.Эйзенштадт считает возможным говорить о *modernity* как

о специфической цивилизации или новом типе цивилизации. Он пишет, что новая цивилизация, которая сформировалась в Европе, позже распространялась по всему миру, порождая совокупность международных систем, каждая из которых базировалась на некоторых общих принципах данной цивилизации и в то же время стимулировала тенденции к перманентным изменениям внутри себя. В процессе трансляции цивилизации *modernity* обнаружила себя тенденция к формированию всеобщих, мировых институциональных и символических рамок, что вообще было явлением новым и уникальным в истории человечества.

Но при этом он подчеркивает, что факт существенного институционального разнообразия современных и модернизирующихся обществ, причем не только переходных, но и высоко развитых, становится все более очевидным. В процессе модернизации нарастает разнообразие современных и модернизирующихся обществ, которые обладают множеством общих характеристик, но в то же время обнаруживают заметные различия между собой. Эти различия являются следствием выборочной инкорпорации, перегруппировки и трансформации основных символических и институциональных конструкций как собственно «западной», так и местных цивилизаций. Это особенно заметно при рассмотрении процесса модернизации за пределами Западной Европы. В данный процесс было вовлечено множество обществ и цивилизаций, которым были чужды многие базовые символические послышки и институциональные структуры новой цивилизации. Кроме того, модернизация оказывала разрушительное воздействие на местные символические системы и институциональные контуры этих сообществ, предоставляя новые возможности и право выбора различным социальным группам внутри них, а также порождая далеко идущие процессы изменений и реакций на них, взаимодействия между разными силами и кристаллизации нового символического и институционального устройства.

С.Эйзенштадт выделяет основные факторы, непрерывное взаимодействие между которыми придавало своеобразный облик моделям интеракций и реакций на модернизацию в переходных обществах. Во-первых, это «момент (точка) вхождения» общества в новые международные структуры, специфика местной институциональной конструкции, которая подвергается эрозии в результате данно-

го «вхождения», а также те возможности, которые оно открывает. Во-вторых, это технологический способ производства и экономические системы, существующие в сообществах. В-третьих, это базовые ментальные конструкции модернизирующихся цивилизаций и сообществ, т. е. представления о взаимоотношениях между космическим и социальным порядками, о социальном и культурном порядке, иерархии и равенстве. На модели взаимодействий и реакций на модернизацию также влияет структура господствующих в обществах элит, которые играют существенную роль в артикулировании и трансляции ментальных представлений, а также в контроле за ними. Наконец, в качестве четвертого фактора С.Эйзенштадт выделяет традиции реакций на исторические изменения, которые сложились и укоренились в данных цивилизациях, особенно в «великих цивилизациях».

В связи с этим ученый считает в высшей степени продуктивным анализ (по аналогии с предпринятым в свое время М.Вебером изучением роли протестантизма в динамике капитализма в Западной Европе) разнообразных неортодоксальных религиозных течений и движений и их отношений с официальными религиями, поскольку все это оказывало огромное воздействие на направление динамики, потенциал преобразований и модели реакций на изменения в обществах, вовлеченных в процессы модернизации. При этом С.Эйзенштадт считает необходимым подчеркнуть неоднозначность преобразовательных потенциалов, которые содержались в ортодоксальных и неортодоксальных течениях. Напротив, они существенно различались, были разнородными, разновекторными. По мнению исследователя, исторический выбор направлений разворачивания этих потенциалов в значительной степени зависит от конкретной ситуации, которая ускоряет или благоприятствует какой-то одной линии развития, актуализирует определенный потенциал и блокирует прочие.

Разнообразие институциональных и символических контуров «современных» и модернизирующихся обществ, их динамика и различные модели экономического развития внутри них, таким образом, являются итогом сложного взаимодействия между различными процессами, среди которых велика роль исторических традиций, традиционных течений и движений. Результатом того же взаимодействия является кристаллизация в разных сообществах и цивили-

зациях дифференцированных способов интеграции и реинтерпретации посылок *modernity*, символических реакций на модернизацию, а также развитие различных модернистских моделей и динамик и варьирующихся реинтерпретаций ценностей и исторических традиций местных сообществ. В итоге если такие процессы как урбанизация, индустриализация, распространение современных способов коммуникаций становятся более или менее похожими в модернизирующихся обществах, то конкретные институциональные ответы на эти процессы имеют тенденцию существенно варьировать, что в значительной степени определяется доминирующими в данных обществах концепциями социального и политического порядка¹⁹.

Влияние исторических традиций на контуры модернизирующихся обществ присуще не только странам, лежащим за пределами «Запада», но и собственно «западной» цивилизации, которая явилась родиной модернизации. Попытка рассмотреть воздействие традиций и национальных особенностей на пути модернизации США и Канады предпринята С.М.Липсетом. Компаративное исследование влияния традиций на развитие двух упомянутых стран представляет интерес в связи с тем, что они имеют во-многом сходные экологические и демографические условия, приблизительно схожий уровень экономического развития и социальной мобильности. Несомненно много общего и в культурном отношении между англоговорящими канадцами и американцами. И при всем том, несмотря на то, что два эти народа, вероятно, походят друг на друга больше, чем какие-либо другие нации на земле, между ними имеются и серьезные различия.

Исследователь акцентирует внимание на различиях в ценностных системах США и Канады, то есть в тех комплексах диспозиций, которые определяют общественный и частный этос в каждой стране. По мнению С.М.Липсета, канадское общество, в отличие от американского, характеризуется большей элитарностью, законопослушностью, этатизмом, коллективизмом и партикуляризмом (ориентацией на групповые интересы). Данные фундаментальные различия, как считает исследователь, уходят корнями в ту эпоху, когда произошло рождение обеих стран, то есть в эпоху Американской революции. Дифференцированные импульсы, данные этим событием США и Канаде, впоследствии были существенно усилены разли-

циями в религиозных традициях, политических и юридических учреждениях, социально-экономических структурах.

Исторически в становлении американской нации огромную роль сыграли такие организующие принципы как индивидуализм и ориентация на достижение успеха. Они явились важнейшими мотивационными механизмами Американской революции. Их манифестация в период революции и кристаллизация впоследствии в таком историческом документе как Декларация независимости обеспечили основу для дальнейшего упрочения этих психологических установок в процессе развития США. На протяжении XIX и начала XX в. США оставались крайним образцом классического либерального общества, отвергшего элитарность, меркантилизм, сословность, коммунализм.

Напротив, канадцы стремились сохранить свои традиционные ценности и культуру, таким образом реагируя на либеральные революции. В конце концов англоговорящая Канада выстояла, потому что она выступила в свое время против Декларации независимости. Франкоговорящая Канада, в значительной степени под руководством католических клерикалов, также стремилась отгородить себя от антиклерикальных, демократических ценностей Французской революции. После 1783 и 1789 гг. лидеры обеих Канад сознательно стремились создать консервативное, монархическое и клерикальное общество на Севере Америки. Элиты обеих лингвистических групп ощущали потребность в государстве для защиты культур меньшинств: англоговорящие канадцы от янки, франкоговорящие – от англофонов. Напротив, Соединенным Штатам Атлантический океан обеспечил эффективную защиту от главного источника угрозы – Великобритании. В результате этатизм не приобрел мощных корней в американской идеологии.

Исторические традиции, ценностные ориентации наложили отпечаток на религиозные, правовые, экономические, социальные системы, характер межнациональных отношений в Канаде и США. Так, например, в экономической области США, появившись на свет как модернистское общество, лишенное феодальных элитаристских пережитков, корпоративистских традиций, сумели создать, за исключением аграрного Юга, чисто капиталистическую систему. Экономическая эволюция Канады существенно отличалась от развития США. Канадские предприниматели, в отличие от американских,

были менее агрессивными, менее склонными к новаторству и рискованным решениям. Если поведение канадцев в частном бизнесе было более консервативным в сравнение с поведением американцев, то, в отличие от последних, канадцы возлагали гораздо большие надежды на регулятивные функции государства в экономической сфере²⁰.

В целом необходимо признать, что критика по поводу роли и места традиции в процессе перехода к современному обществу была учтена сторонниками теории модернизации. В их исследованиях 1970-х, а особенно 1980-х гг. произошел отход от прежней однозначной трактовки взаимодействия традиции и современности к более сложным представлениям. Традиция и современность уже не рассматриваются как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1980-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Вместо прежнего третирования традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело и к определенному пересмотру траектории самого процесса. Если в ранних работах модернизация интерпретировалась как однозначно линейный процесс по направлению к западным моделям, то в более поздние исследования проникло признание возможности многовариантного перехода от традиционного к современному обществу²¹.

Модернизация и традиция: теоретические и социальные импликации

Проблема определения места и роли традиции в процессе модернизации крайне многопланова и отличается научной и практической актуальностью.

Одна из плоскостей ее рассмотрения связана с решением другой проблемы, пожалуй, одной из центральных для современной исторической науки. Имеется в виду вечное противоречие между социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между детерминизмом и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений. Суть проблемы, иначе

говоря, заключается в объяснении того, как социальные субъекты («акторы»), сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, приобретают способность выстраивать новые формы социальной организации и социальных отношений. Попытки решения данной проблемы связаны с поисками возможностей эксплуатации непоследовательностей, несвязностей социальных, политических и других систем²².

Определение пропорций традиционного и современного выводит еще на одну проблему: соотношения преимущества (исторического континуитета) и разрыва²³, в пессимистическом варианте: выбора между стабильностью и хаосом, нарастанием энтропии. Очевидно, что традиции выполняют важную функцию поддержания стабильности общества. Модернизация, связанная с перестройкой социума, неизбежно эту стабильность нарушает и может вообще привести к срыву самой модернизации и к деградации общества. Понятно, что ломка социальной стабильности ведет к резким, крайне болезненным психологическим катаклизмам. Яркую картину психологического стресса, вызванного крахом прежних структур и социальных идентификаций, на исходе средневековья рисует Э.Фромм в своем знаменитом труде «Бегство от свободы»: «Средневековая социальная система была разрушена, а вместе с нею и та стабильность и относительная безопасность, которые она давала индивиду. Теперь, с началом капитализма, все классы общества пришли в движение. Не существовало больше определенного места в экономической структуре, которое могло бы считаться естественным и бесспорным. Индивид стал одиноким; все теперь зависело не от гарантий его традиционного статуса, а от его собственных усилий... . Индивид освобождается от экономических и политических оков. Он приобретает и позитивную свободу – вместе с активной и независимой ролью, какую ему приходится играть в новой системе, — но при этом освобождается от связей, дававших ему чувство уверенности и принадлежности к какой-то общности. Он уже не может прожить всю жизнь в тесном мире, центром которого был он сам; мир стал безграничным и угрожающим. Потеряв свое определенное место в этом мире, человек потерял и ответ на вопрос о смысле его жизни, и на него обрушились сомнения: кто он, что он, зачем он живет? Ему угрожают мощные силы, стоящие над личностью, — капитал и рынок. Его отношения с собратьями, в каждом

из которых он видит возможного конкурента, приобрели характер отчужденности и враждебности; он свободен—это значит, что он одинок, изолирован, ему угрожают со всех сторон. Не имея богатства и власти, какие были у капиталистов эпохи Возрождения, потеряв чувство общности с людьми и миром, человек подавлен ощущением своей ничтожности и беспомощности. Рай утрачен навсегда; индивид стоит один, лицом к лицу со всем миром, безграничным и угрожающим. Новая свобода неизбежно вызывает ощущение неуверенности и бессилия, сомнения, одиночества и тревоги. Чтобы иметь возможность действовать, человек должен как-то избавиться от этого»²⁴.

Возникает вопрос, каковы те допустимые пределы трансформации, которые позволят эффективно перестроить наличные элементы общества, не допуская его инволюции. В связи с этим в литературе высказывается мысль о необходимости органичного синтеза традиций и инноваций, соблюдения баланса ценностей стабильности и развития. Утверждается, что причина срыва модернизационных процессов зачастую не инновации сами по себе, а их неорганический характер, т.е. механическое перенятие, не завершающееся новым синтезом, неспособность сформировать новые институты, регулятивные механизмы и новые уровни социальной общности. Таким образом, главной причиной срыва модернизации оказывается не сопротивление традиционной среды инновациям, а отсутствие нового институционального уровня, в рамках которого могло бы осуществиться продуктивное взаимодействие разнородных экономических и ценностных систем²⁵.

Апелляции к идеологии консерватизма (обращение к корням, к традициям, к вечным ценностям = идеология «сдержек и противовесов» на пути в неизвестное), утверждения о функциональности традиционализма в условиях гигантских—технических, социальных, морально-психологических—изменений, результирующая которых неясна, непредсказуема и порой опасна, все чаще появляются в литературе, посвященной анализу современного, спешного и мало продуманного этапа постсоветской модернизации страны.

Научная актуальность изучения взаимодействия традиции и модернизации связана с тем, что без этого просто невозможно восстановить рисунок реального процесса модернизации, в рамках которого «осовременивание» различных сфер общественного организма

могло осуществляться неодновременно и за счет других. В результате элементы модернизации и традиции в контексте конкретного общества принимали самые причудливые конфигурации, что позволяет идентифицировать «модели» модернизации (например, выделяются следующие модели: а) английская модель XIX в.: современное общество формируется на базе разрушения традиционных структур; б) германская модель: совместимость с нетронутыми традиционными структурами; в) «периферийная модель»: превалирование традиционализма, который внедряется даже в самые передовые сектора экономики)²⁶.

Между тем, в отечественной истории существует множество проблем, в рамках которых соотношение традиции и модернизации, исторического разрыва и преемственности оценивается по-разному, порой с противоположных позиций. Такова, например, проблема соотношения коммунистических целей и методов управления с русской националистической традицией. Существует мнение, что сталинская система была во многом уникальной и функционировала под влиянием факторов и сил, неизвестных в прошлом.

Другая точка зрения: сталинизм есть победа традиционализма. Капитализм и его институты были не более, чем социально-экономическим и политическим анклавом в традиционной России. Советская модель развития = полное возобладание традиционалистского фактора: индустриализация осуществлялась традиционными по своей сути средствами, основанными скорее на указаниях и перераспределении, чем на социально-экономических отношениях обмена, как это бывает при модернизации.

Проблема соотношения модернизации и традиции принципиально важна не только в теоретическом, но и в практическом плане, особенно для обществ переходного периода (имеется в виду не только переход от традиционного к индустриальному обществу, но и другие социальные трансформации). Взять к примеру Россию как петровскую, так и послепетровскую. Здесь традиции и инновации как нигде долго боролись и вместе с тем плотно переплетались. К числу исторических парадоксов следует отнести сосуществование передовой для своего времени уральской промышленности (прежде всего металлургии) и принудительной, крепостнической по своей сути, системы труда. Примечательно, что эта промышленность испытала катастрофический спад именно после отмены крепостного

права. В связи с этим следует особо подчеркнуть всю остроту вопроса о сочетании инноваций и традиций в русской истории. Поскольку для России был характерен догоняющий тип развития, то проблема адаптации инноваций всегда имела важное значение, но далеко не всегда она оптимально решалась. С одной стороны, в ходе «революций сверху» инновации грубо насаждались на неподготовленную почву, что приводило к их отторжению или постепенному размыванию, а, с другой стороны, эти инновации так или иначе оказывали влияние на российскую действительность, заметно ее трансформируя. Происходили своего рода мутации, в процессе которых причудливо переплетались инновации и традиции. Такой процесс перманентно порождал борьбу в обществе, его раскол. В силу исключительной масштабности страны, различий в социально—экономическом положении ее многочисленных регионов, полиэтничности и поликонфессиональности населения, сохранявшего исторические корни разных цивилизаций и культур, модернизационные переходы затягивались на длительный период, что приводило к новым виткам отставания.

Чтобы вырваться из порочного круга, обрекающего страну на стадийное отставание, необходим глубокий и тщательный анализ сочетания инноваций и традиций, позволяющий улавливать переход первых во вторые. Печально яркими примерами непродуманных модернизаций являются сначала отказ от традиционных ценностей цивилизованного мира и переход к новым ценностям социализма, а затем еще более мучительный поворот от них к ценностям далеко ушедшего за это время вперед постмодернизационного общества. Как следствие данного факта следует рассматривать трудности развития рыночных отношений, федеративного устройства и т. д. в современной России. Вывод один — необходимо четко установить, на каком этапе модернизационного перехода сегодня находится страна, для каких новаций есть условия адаптации, а для каких пока нет, какие национальные традиции отвечают требованиям современного развития, а какие нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 129–145; Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.
2. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.

3. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97; Он же. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 162.
4. Чистов К.В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105; Он же. Традиция и вариативность // Там же. 1983. № 2. С. 15.
5. Чистов К.В. Традиция и вариативность... С. 16-17.
6. См.: Маркарян Э. С. Узловые проблемы... С. 78-96; Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна // Там же. С. 97-115; Чистов К.В. Традиция и вариативность... С. 14-22; Он же. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 107-176; Арутюнов С.А. Народы и культуры... С. 160-185; Громыко М.М. Проблемы и источники исследования этических традиций русских крестьян XIX в. // Советская этнография. 1979. № 5. С. 35-48; Она же. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII-XIX вв.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 108-123; Она же. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70-80; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Обсуждение статьи М.М.Громыко // Советская этнография. 1984. № 6. С. 51-64; Агаджанян А. С. Общая концепция традиций и традиционные структуры в Юго-Восточной Азии // Традиционный мир Юго-Восточной Азии: Малая группа и социальная динамика. М., 1991. С. 3-21; Также см. монографию польского исследователя: Шацкии Е. Утопия и традиция. М., 1990.
7. Маркарян Э. С. Узловые проблемы... С. 81.
8. Бернштейн Б.М. Выражение этнической специфики в художественной культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
9. Levy Marion J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Readings on Social Change. N.Y., 1967. P. 207.
10. See: Huntington S. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E.Black. N.Y., 1976. P. 25-61.
11. McClelland D. Business Drive and National Achievement // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. Ed. By E.Etzioni-Halevy and A.Etzioni. 2nd ed. N.Y., 1973. P. 161-174; Inkeless A. Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Ibid. P. 342-361.
12. Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Ibid. P. 334.
13. Ibid. P. 333-341; Также см.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 626-627.
14. Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1965; Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200-201.
15. См.: Макмиллан Ч. Японская промышленная система. М., 1988; Gusfield J.R. Tradition and Modernity...
16. Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago, Lnd., 1965. P. 81.
17. Gusfield J.R. Op. cit. P. 339.
18. See: So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 66-70.
19. Eisenstadt S.N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // Patterns of Modernity. Vol. I: The West. Ed. By S.N.Eisenstadt. L., 1987. P. 1-11.
20. Lipset S.M. Historical Traditions and National Characteristics: A Comparative Analysis of Canada and the United States // Patterns of Modernity. Vol. I: The West. Ed. By S.N.Eisenstadt. L., 1987. P. 60-87.
21. Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., 1973; Patterns of Modernity. Vol. I: The West. Ed. By S.N.Eisenstadt. L., 1987; So A.Y. Social Change and Development:

- Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 60–87. С эволюции теоретических представлений о месте традиции в процессах модернизации также см.: Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М. 1985; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 170–207.
22. See: Burke P. *New Perspectives on Historical Writing*. Cambridge, 1993. P. 233–248.
  23. См.: Чешков М.А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1.
  24. Фромм Э. *Бегство от свободы*. М.: «Прогресс», 1990. С. 59–62.
  25. Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // *Социс*. 1995. № 3.
  26. Например, см.: *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного*. М. 1984.